

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ

**ИНСТИТУТ ХИМИИ
СИЛИКАТОВ**

им. И.В. ГРЕБЕНЩИКОВА

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАШИ ДЕТИ БЛОКАДЫ ДЕТИ ВОЙНЫ

**Буклет подготовлен при непосредственном участии Профкома
и Совета молодых ученых и специалистов ИХС РАН.**

Рассказы сотрудников нашего Института об их военном и блокадном детстве. О том, как жили, трудились и воевали их родители. О маленьких детских радостях и большом горе, об испытаниях и достижениях.
О жизни.

**Опять война,
Опять блокада, —
А может, нам о них забыть?
Я слышу иногда:
«Не надо,
Не надо раны беречь.
Ведь это правда, что устали
Мы от рассказов о войне.
И о блокаде пролистали
Стихов достаточно вполне».
И может показаться:
Правы
И убедительны слова.
Но даже если это правда,
Такая правда
Не права!
Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память — наша совесть.
Она, как сила, нам нужна.**

**Юрий Воронов
(1929—1993)**

Виктор Николаевич Антипов

Когда началась война, мне не было еще и полутора лет. Жили мы в Воронеже, в квартире родителей моей мамы. Семья была большая: мои родители со мной, ее брат дядя Валя с женой и дочкой Наташей (она была на 2 месяца меня старше), младший брат мамы дядя Витя, бабушка и дедушка. Началась война. И отец, и мамины братья все ушли в июле на фронт. Отец на тот момент учился на пятом курсе медицинского института и, соответственно, оказался в медсанбате. Почти всю войну он воевал на Калининском фронте, под Старой Руссой. Пришлось пришивать руки, ноги, ампутировать...

Воронеж был городом стратегического значения, поскольку стоял на пути к Москве и через него немцы пытались пробиться к столице. Поэтому город был на военном положении, а немцы все время стремились его захватить. Про налеты немецкой авиации я не помню, а помню, что немцам удалось захватить левую часть города, в которой мы как раз жили. Немцы пришли неожиданно в квартиру и «шнель, шнель» стали нас выгонять.

Мама схватила меня, сестренку, документы, и мы вместе с бабушкой и дедушкой, можно сказать, в чем были, выскочили на улицу и влились в поток беженцев, идущих из города куда-то на восток. Немцы нам не препятствовали, они нас выгоняли, мы им были не нужны. Слава богу, что не убили. Шли с толпой беженцев, сами не зная куда.

Я был маленький и мало что помню. Мама была у меня умной женщиной и, чтобы как-то двигаться и нам помочь, она шла от столба к столбу, меня каждый раз ребенка на руках: несла то меня, то сестренку по очереди, пока несла одного эти 50 метров, другой как-то ковылял сам. Немцы нас все время обстреливали. Во время обстрела все бежали и падали по обочине дороги. И мама всегда ложилась на землю и прикрывала нас собой.

Анатолий Пустовит. «Беженцы»

У меня в памяти, хотя было всего 1,5 года, остался эпизод, когда один старик во время бомбежки побежал за своей тележечкой, оставленной на дороге. И вдруг взрыв... и ничего: ни тележечки, ни старика. Одна воронка на дороге, и все.

Вот мы так шли и шли и отошли от города на 70-80 километров. Шли долго, несколько дней. Ночевали прямо на земле, у дороги. Было это осенью 1941 года. Мама говорила, что это было самым страшным эпизодом в ее жизни. Пришли в деревню, а ее уже заняли немцы. Месяца два были под немцами, а потом наши ее освободили. Когда наши пришли, то сразу стали наводить порядок и организовали эвакуацию. И мама решила, что нам надо ехать в Иркутск, в котором она родилась и где жила ее семья до революции. По дороге в Иркутск мама заболела тифом. Ее на какой-то станции сняли и отвезли в тифозное отделение. И мы поехали дальше уже без нее, с бабушкой. Но мама выжила. Единственное, что она потеряла, так это свои роскошные длинные волосы.

В Иркутске было очень голодно. Конечно, не так, как голодомор в Ленинграде, но все равно очень тяжело, все время хотелось есть. Ели все, что удавалось раздобыть, и крапиву тоже. В детском саду детям ежемесячно выдавали пузырек рыбьего жира. Это был единственный жир в нашей семье, остального ничего не было. Никаких вещей, чтобы поменять на еду, тоже не было.

Мама вскоре после тифа (через 2-3 месяца) приехала к нам, устроилась на работу по своей специальности учителем русского языка и литературы в школе. Бабушка тоже преподавала русский язык и литературу. Дедушка преподавал математику в школе. Когда мой отец получил Орден Красного Знамени, он оформил и прислал нам аттестат, который очень поддержал нашу семью в дополнении к талонам.

Не дай бог все это переживать. Это все страшно.

Я поражаюсь, как тогда, в такое тяжелое время, все было хорошо организовано, четко и продуманно. Люди не терялись, могли найти друг друга. Например, дядя Валя потерял руку на фронте в 1943 году и смог узнать про нас и приехать к нам, в Иркутск. А вот дядя Витя получил тяжелое ранение и скончался в госпитале в Энгельсе.

Когда освободили Ленинград, отца забрали с фронта и направили в Военно-медицинскую Академию для завершения учебы. Так он оказался на 4 месяца в Ленинграде. После получения диплома врача был направлен на войну с Японией в январе 1945 года. Но сначала он приехал к нам в Иркутск. Мы собрались и поехали в Монголию, и целый зимний месяц через пустыню Гоби добирались до места назначения города Чойбалсан.

Почему мы там оказались? Сталин обещал после разгрома Германии начать войну с Японией, поэтому заранее началась подготовка к этой войне. Командующего Калининским фронтом К.А.Мерецкого, назначив командующим 1-м Дальневосточным фронтом, перебросили в Монголию, где он должен был нанести главный удар по японским войскам. К.А.Мерецков собирал всех, с кем он воевал на Калининском фронте, среди них оказался мой отец.

Мы приехали в Монголию. Там был аэродром в 5 км от города, а мы жили на самом конце городе, где был построены дома для офицеров. Рядом с домами

были вырыты щели для укрытия от бомбежки, в которых мы скрывались во время налетов. И победу 9 МАЯ я встретил там, в городке, но не помню ее. А хорошо помню победу над Японией, потому что мы увидели салют над аэродромом. Мы салюта никогда до этого не видели и решили, что это очередная бомбежка и побежали в укрытия. А один офицер вышел, посмотрел на салют и сказал нам: «Вылезайте. Победа!».

Отец в Монголии и Маньчжурии был до 1949 года. Ему пришлось в Маньчжурии стать инфекционистом, поскольку там начались чума и холера. Отец вернулся с войны контуженный, но живой... Когда ему в Москве предложили выбрать место проживания из 5 вариантов, он выбрал Феодосию, потому что они с мамой раньше, до войны там были и им очень понравилось. И мы уехали в Крым. Вслед за нами приехал дед.

После войны отец продолжил работу как инфекционист, заведовал инфекционным отделением. У него были солдаты, заболевшие дизентерией в Крыму. И чтобы солдаты через 3 дня не сбегали во время карантина, отец посадил сад в своем отделении и заставлял этих солдат ухаживать за ним... но они все равно убегали.. Отца потом перевели из Феодосии в Симферополь, в окружной госпиталь.

Немного о деду

Дедушка (по папиной линии) прошел Первую мировую войну, Гражданскую войну, а на Вторую мировую пошел добровольцем, но его взяли работать в тыловые части. Дедушка дошел до Германии, где-то в Восточной Пруссии.

Дед больше любил рассказывать про Гражданскую войну и Первую мировую. Он был очень интересным человеком, многое повидал и испытал. На Первую мировую войну его взяли простым солдатом, а дослужился он до звания не то ефрейтора, не то сержанта, получил Георгиевский крест. Гражданскую войну он закончил, уже командуя полком. Но военную службу после войны не стал продолжать, а поступил в Лесотехническую академию в Ленинграде. После Академии он получил назначение в г. Молотов (Пермь), в лесничество. Был случай, когда в пермском крае энцефалитный клещ покусал 20 человек, среди которых был и мой дед. В живых осталось двое, в том числе и мой дед. Вот такая судьба. Помню, что еще дед работал на Кавказе и поставлял самшит для строительства Дома Советов в Москве.

После перевода отца в Симферополь, оказалось, что деду негде жить, поскольку мы жили в казенной квартире, которую надо было освободить. Но деду совсем не хотелось уезжать из тех мест, так ему понравилось в Феодосии. Поэтому он обратился к местным властям, представив все свои награды, заслуги и прочее. Ему выдали малосенькую квартирку размером примерно в 2 купе (кухонька, в которой вместился стол, и комната, в которой стояла кровать). На склонах под Феодосией у него был виноградник, и мы, я и мои друзья-студенты, ходили туда полакомиться... Виноград был необычный, винных сортов. Вот тогда, за тазиком винограда, он и рассказывал нам про Гражданскую войну.

Инна Борисовна Баньковская

Когда началась война, мне исполнилось, как раз в июне, три года. А в августе 41-го родился мой братик. Маму мобилизовали, и она стала работать на ремонтном заводе на Петроградской стороне, там сейчас завод «Вулкан». Жили мы неподалеку, на Большой Пушкарской. Мама носила братика в ясли, меня водила в садик, а сама бежала на работу.

Ещё с нами жила бабушка. У нас было две комнаты в коммуналке – большая и поменьше. В маленькой, с буржуйкой, мы жили зимой, потому что ее проще было хоть немного согреть.

Детский садик был около дома, на углу Пушкарской и Бармалеева. Рядом бомбоубежище, куда нас отводили, как только случалась воздушная тревога. Воспитательницы читали нам книжки. Некоторые я помню до сих пор. Помню одного мальчику, который мне так понравился, что я ему подарила любимую игрушку – красный трамвайчик.

*Фрлова Анастасия.
«Блокадное детство»*

Бомбоубежище было в том же доме, что и детский сад. Помню, дали чай. И не простой, а сладкий. И я пролила сладкий чай на свое красное пальтишко. Для меня это была ужасная трагедия... Вообще, проблема еды была главная, неотвязная – у всех, от мала до велика. Вечером мама возвращалась с завода, мы с ней были дома и однажды во время обстрела укрылись в центре квартиры – в коридоре, а когда обстрел закончился и мы вернулись в комнату, то увидели разбитое окно и зеркальный шкаф, который стоял напротив окна. В шкафу висела папина морская шинель и в ней, в области сердца, застрял большой осколок, который хранится у нас дома до сих пор.

Еще одно навязчивое воспоминание – я помню ту тарелку с манной кашей, которой мама кормила братика, а я говорила: «Мама, почему Сережа ест кашу, а мне только облизывать тарелку?».

Сережа умер в ноябре 1942г. Ему исполнился год и четыре месяца. На работе маме помогли сделать маленький гробик. Она одна на санках отвезла его на Богословское кладбище. Потом много лет мы ходили к нему на могилку. Для меня в детстве это была прогулка в место, где много берез, цветы, кусты малины.

Первой весной 1942 г. умерла бабушка, папина мама. Когда она умерла, мы нашли ее коробочку с гомеопатическими пилюлями «Бриония». Они тоже сладковатые. Я их ела как конфетки – по штучке в день. ... Уже взрослой я поняла, что бабушка, почувствовав, что припасов на всех не хватает – перестала есть. И умерла.

В том же 1942 г. в декабре маму вызывают к Петропавловской крепости, куда с Балтики подошел военный корабль, и какой-то морской начальник сообщает: «Ваш муж погиб». Мама вспоминала, что в мгновение шпиль Петропавловки перевернулся. Она потеряла сознание. Мой отец Борис Александрович Баньковский, был моряк, служил он на тральщике. Ему было 44 года, он еще до революции окончил Морской кадетский корпус, потом стал гидротехником. Мама – Вера Яковлевна Бокина, 1915 г. рождения, тоже была гидротехником и гидрологом. Она в мирное время работала в Гидрологическом институте, а после войны - в Гидрометеорологическом.

Воспоминания из блокадного детства у меня отрывочные. Всю войну на Новый год нам домой с маминой работы приносили елку, и мы ее украшали игрушками, которые еще долго были в нашей семье и после войны. А однажды на Новый Год пришла тетя, жена маминого брата, принесла шоколадную конфетку – «Это тебе от зайчика». Она тут же развернула конфетку и порезала на части. Мне так понравилось, что стало много конфет!..

Иванов В.В. Из цикла «Дни и ночи Ленинграда»

Домов разрушенных в Ленинграде было очень много. Я почему-то после каждой бомбежки высматривала, где какие новые пробоины появились. Еще мы с подружками любили ходить на свалку на Кировском проспекте, где было множество осколков посуды. Мы собирали самые красивые кусочки, потом закапывали в землю – это были наши тайники. Такие свалки существовали недолго – в городе старались быстро наводить чистоту.

В конце войны, помню, пленные немцы работали на разборке разрушенного дома напротив наших окон. У меня такое чувство было – их надо убить, что же это за люди! Это, наверное, не люди! Потом спускаюсь вниз – вроде нормальные люди, надо же...

Януш Брониславович Данилевич

(по воспоминаниям Я.Б. Данилевича, И.Ю. Кручининой, К. Емельяновой)

К началу войны Янушу Данилевичу исполнилось 9 лет. Суровые обстоятельства военного времени вынудили семью Данилевичей переехать в г. Швенченис, что в 80 км. от Вильнюса, в бабушкин дом. Власть в городе была отдана фашистами в руки литовских националистов. Русские, поляки считались «чернью», врагами, т.е. бесплатной рабочей силой для фашистских землевладельцев. Молодежь (с 14-ти лет) отлавливалась и эшелонами увозилась в Германию. Евреев сгоняли в гетто, прикалывали шестиугольные желтые звезды - метки и гнали на самую грязную работу.

Детей школьного возраста обязали посещать школу. Преподавание велось только на литовском, хотя ни одного школьника-литовца в классе не было. Записывали непонятные слова кто латинскими, кто русскими буквами – и зубрили наизусть. Так пришлось осваивать новый чужой язык. Радовали только уроки труда и физкультуры.

Годы оккупации – сплошная полоса облав, расстрелов, унижений – оставили тягостное впечатление бесчеловечности и произвола. Рождалось чувство протеста, стремление противостоять любому насилию и надругательству над человеком. Поистине «история добывает для юности разум стариков». Слезы радости выступали на глазах людей, когда слышали отдаленные залпы советской артиллерии со стороны белорусских земель. Отступая, немцы превратили городок в сплошной факел. После войны активизировались так называемые «лесные братья» - националисты, жаждущие реванша. Учеников старших классов тоже привлекали к дозорам. Однажды, благодаря тому, что Янушу Брониславович дежурил, внимательно следя за текущей обстановкой, удалось вовремя спасти товарищей от внезапного нападения и вызвать подмогу.

Деревянная русская советская школа № 2, в которую он поступил учиться, внешне казалась золушкой по сравнению с белоснежным зданием литовской, стоящей напротив. Однако педагогический коллектив, немногочисленный, но очень сплоченный и грамотный, добился утверждения статуса гимназии и сделал все возможное, чтобы ученикам было интересно и комфортно. Учебников не хватало. Приходилось многое конспектировать, но это было уже в удовольствие, и практика такая пригодились. Очень поощрялось самоуправление: школьные спектакли, музыкальные и танцевальные вечера, маскарады, лектории. Януш занимался стенгазетой. В дневниках он признается, что иногда долго мучился над редактированием некоторых «опусов», но трудился с увлечением. Здесь, в школе, начиналось все: и дружба, и любовь, и выбор будущей профессии.

Именно в школе зародилась и окрепла дружба тройки интеллектуалов: математика Януша, музыканта Олега и поэта (юноши из Ленинграда) Юрия.

Януш Данилевич, Олег Громов и
Юрий Емельянов

У каждого из них за спиной, несмотря на юный возраст, был большой жизненный опыт. Так, Юрий Никонович Емельянов (в будущем — отец Ирины Юрьевны Кручининой), 9-летний мальчишка в 1941 г., был старшим ребенком в большой семье из 5 женщин и 5 детей (мужья и братья ушли на фронт), выжившей в блокаде Ленинграда в самые суровые дни от её начала до июля 1942 года. Как единственный мужчина, он тушил зажигательные бомбы на крышах. Для спасения от холода были сожжены в буржуйках пресса, часть книг, мебель. На рынке выменивались на продукты все более-менее ценные вещи. В семье был заведен твёрдый порядок — обязательно пить горячую воду и есть 3 раза в день, хоть чуть-чуть. Младшие дети вспоминали, что забирались после еды под стол, чтобы попытаться найти хоть какие-нибудь крошки. Летом 1942 года, под обстрелом, на катере через Ладогу, семью Юрия эвакуировали в Красноярский край. В Сибири было тоже очень непросто. Ведь их там никто и не ждал.

Юрий ходил пешком в любой мороз в соседний населённый пункт в школу. Естественно, у него были отморожены щеки и уши. После возвращения из эвакуации, Юрию с мамой пришлось уехать в Литву, поскольку их жильё в войну не сохранилось в Ленинграде, а в Литве жили родственники. По воспоминаниям его школьного друга Януша Брониславовича Данилевича, Юрий писал хорошие стихи. Не случайно он экстерном сдал школьную программу за один из учебных годов, ликвидировав сдвиг, вызванный военным временем, окончил среднюю школу в Швенчёнисе с золотой медалью.

Естественно, будучи ленинградцем, Юрий Никонович поехал поступать в родной город, уговорил поехать и своих друзей (Я.Б. Данилевич поступил в политехнический институт), сам же поступил в ленинградский университет им. А.А. Жданова. Получив диплом с отличием, женился и поехал по распределению в Центральную Россию — г. Брянск. Он всегда считал, что ленинградцы должны нести культуру своего города везде, где они находятся. Он был известным, талантливым журналистом, главным редактором комсомольской областной газеты, которого помнят оставшиеся еще друзья и коллеги до сих пор. Он прожил 55 лет, скончавшись от инфаркта в канун Чернобыльской аварии в 1986 г. Где бы он ни был по специфике своей журналистской работы, его везде называли только ленинградцем.

Лариса Николаевна Красильникова

Я мало, что помню о тех годах, ведь я только родилась, но моя мама, Нина Алексеевна Тихонова, рассказывала мне о том времени.

Первые дни войны наша семья встретила в Львовской области. Мой отец, Николай Игнатьевич Тихонов, был военным служащим, инженером-авиаконструктором. В 5 утра его по команде забрали на фронт. Мы жили тогда в военном городке, маме было всего 26 лет, она была студенткой Педагогического университета, литературного факультета. Объявили эвакуацию семей военных служащих. Мама собрала наши вещи, которые смогла унести, и нас повезли на вокзал. Как говорят, я точно не знаю, когда из города начали эвакуировать гражданских, в нем уже были немцы.

С вокзала мы собирались поехать к родителям моей мамы в г. Ленинград. Но началась паника, поезда напрямую не ходили. И ей пришлось на перекладных начать свой путь в Северную столицу. По дороге она боялась оставлять меня одну или с кем-то, ведь не знала, то ли она может погибнуть, то ли меня могут убить. Было страшно от авианалетов. Но, несмотря на это, она добралась до Ленинграда к своим родным. Через некоторое время враг наступил и там, и вновь эвакуация, дорога, неизвестность.

Эвакуируемые на Литейном проспекте

Мама с родителями переехали в Новгородскую область, в Ленинграде осталась её сестра, Мария Алексеевна Щипцова, моя тётя. Она всю блокаду жила здесь в Ленинграде, работала в Военторге.

Затем с Новгородской области мы все переехали в Саратовскую область, г. Хвалынский, здесь мама работала в Детском доме, так как у нее было педагогическое образование. Дети были разные, брошенные, без родителей с ними было сложно совладать. Но она могла, как говорится «держать их в узде». Благодаря своим способностям рассказывать, она могла заинтересовать ребятшек. А для одного из них стала неким символом, благодаря чему его в корне поменялись его взгляды и из непослушного, неутомленного пацана, он стал прилежным, внимательным.

Моя мама подрабатывала и в колхозе, убирала урожай, обрабатывала землю, работала «за еду». Однажды ей за работу дали целый мешок картошки, на радостях она одна потащила его домой, а дорога была долгая, после из-за этого у нее были проблемы со здоровьем.

После прорыва блокады мы все вместе с родителями мамы поехали в Ленинград. И можно сказать, с декабря 1943 я здесь и живу. Дорога домой в Ленинград была не простая. Не разрешалось завозить детей, поэтому мама спрятала меня в корзинку для белья. Уже в поезде она познакомилась с одним пассажиром, и чтобы меня с ней выпустили, я должна была представить, что это мой папа и тем самым попасть в город.

Тётя осталась жива, и семья воссоединилась. Кстати, хочу заметить, тётя умерла совсем недавно, была долгожителем.

Отец же был ранен, 9 мая 1945г. он встретил в боях под Прагой, для него война закончилась чуть позже. После он тоже приехал к нам в Ленинград.

Помню, он любил фотографировать, и вот однажды идем мы по центру города, он фотографирует памятники, у меня где-то осталась одна фотография. И вот к нам подходит милиционер и просит отца пройти в участок. Я хоть и была маленькая, но уже тогда понимала, что, если задерживает милиционер — это нехорошо. И вот я так начала горько плакать, что потом меня всё отделение стало меня утешать. Оказалось, это всего лишь была проверка документов.

После войны мы стали жить, как все. Мама окончила институт, папа не бросил свою службу, и мы с мамой так и разъезжали по стране. Но когда мне пришло время идти в школу, меня отправили к бабушке с дедушкой в Ленинград. Военное время я не помню, так как была маленькая. Но хорошо помню, что в войну мы часто готовили тыквенную кашу, которая мне нравилась, а в послевоенное время перестали.

Вот такая достойная эпопея моей матери. Так что борьба была не только на фронте, но и в тылу.

Наталья Ивановна Нестерчук (Боровкова)

К началу блокады мне было всего 2.5 года, поэтому у меня сохранились лишь отрывочные воспоминания. Мы жили тогда на служебной площади в доме, который принадлежал военному ведомству, недалеко от Литейного пр., на Артиллерийской улице.

Мои родители окончили химический факультет ЛГУ. Поженились они еще студентами в 1938 г.

Мама поступила в аспирантуру Института галургии, а папа - в Военную электротехническую академию им. Буденного (по вольному найму). В 1939г. его мобилизовали на советско-финскую кампанию в отряд химической обороны под Выборг. Осенью мама к нему приезжала в отпуск со мною (мне несколько месяцев).

Начало Великой Отечественной войны застало всех в Ленинграде. Папу перевели на военное положение и назначили каким-то начальником отряда химобороны одного из районов Ленинграда. Под его началом в отряде были только женщины. Мама сидела со мной дома и одновременно училась в аспирантуре. Хочу заметить, что наш дом из красного кирпича, в котором мы жили, был очень странной планировки – сверху он чем-то напоминал свастику. Ходили слухи, что, возможно, поэтому его фашисты не разбомбили. После войны все дома вокруг были разрушены, стояли отдельные стены с пустыми оконными глазницами, а наш был целехонек.

Итак, папу сразу перевели в казармы, он появлялся раз в месяц: навещал нас, приносил какие-то продукты. Мама сидела со мной (мне всего 2 года было), посещала институт, оставляя меня с соседкой-бабушкой и ее внучкой. Она думала, что война вот-вот кончится, и поэтому продолжала научную работу, только потом начала бегать и добывать продукты. Как аспирантка, она считалась служащей и получала соответствующую продовольственную карточку. Ее несколько раз вместе с другими сотрудниками вызывали на разбор завалов после бомбежек.

Потом довольно быстро наступили холода. Наш дом был устроен по типу коридорной системы – много ячеек-комнат, а кухня общая. У нас была большая комната 32 м, папа соорудил самую обыкновенную квадратную буржуйку, а труба выходила в форточку. Я помню, как сидела у папы на коленях поближе к буржуйке и, что-то показывая и случайно махнув рукой, задела за эту трубу. Очень сильно обожглась, это я хорошо помню, так мне было больно.

Это все, что я помню из блокадной жизни.

Что нас немного поддержало, так это запасы сушеных белых грибов, которых мама насобираала под Выборгом и забыла, а в блокаду они и пригодились. Еще помню, как соседка вспоминала, что на лестнице наткнулась на рассыпанный зубной порошок, а ведь он был сладкий. Это было счастье! Они взяли его, смешали с чем-то и ели. Сейчас трудно представить себе, как это можно есть! А тогда это было лакомство.

А нас с мамой папе удалось эвакуировать зимой 1942 года из блокадного Ленинграда, маму удалось оформить как сопровождающую. Куда нас привезли – я не знаю, мама очень не любила рассказывать про то время.

Все, что было дальше, я лучше помню, наверное, потому, что это глубоко поразило маленького ребенка. Нас посадили в теплушки с полками, я сидела у мамы на коленях, а она на каждой станции выбегала, то кипяточка достать, то поменять захваченные с собой вещи на продукты. А я еще и заболела в дороге, с высокой температурой. Мама оставляла меня на соседей, бежала на вокзал. За время этой бесконечной дороги мама похудела почти на 10 кг. Мы приехали к моей бабушке, маминной маме, под Пензу, в небольшой городок Ардатов. Бабушка жила со своей второй дочкой, маминной сестрой, в небольшом домике: кухня с русской печью (здесь жила бабушка) и комната, разделенная на две части (для нас с мамой и для ее сестры). У тети Наташи тоже была дочка, Галя, которая была на 7 года старше меня (Галя потом поступила в наш Ленинградский театральный институт и работала затем режиссером на Одесском телевидении). Вот так и жили все вместе.

Моя мама сразу пошла устраиваться на работу и, поскольку у нее было высшее образование, ее взяли в Педагогическое училище. Тетя Наташа тоже работала. А мы с бабушкой и сестрой оставались дома, летом работали на огороде, сажали овощи. А мама с тетей отвечали за заготовку дров. Они брали сани, в которые до войны впрягали лошадь, тащили их в лес и обратно с дровами,

Пименов Ю. И. «Колка дров»

Собирали все, что могли. То есть голод был настоящий. Никакой живности не было. У соседей вот только были гуси. Я их очень боялась: они были такие громадные по сравнению со мной, и однажды заклевали меня по спине. До сих пор помню.

Как только сняли блокаду, мама сразу собралась обратно, в Ленинград. В июле 1944г.удалось выехать, но на железнодорожном узле под названием Комарово (в южной части Ленинградской области), наш поезд остановили и сказали, что никто никуда больше не поедет. Ленинград нуждался в угле, поэтому все взрослые были мобилизованы на военно-восстановительное строительство (ВВС-5) на угольные шахты.

Весь состав был выгружен вместе с детьми. Документы у всех отобрали, чтобы не смогли никуда уехать. Поскольку во всем составе набралось человек десять с высшим образованием, то им дали особые палатки для проживания. И всю осень мы жили в этих палатках, а другие люди жили в наспех сколоченных деревянных бараках. Только зимой нас переселили в землянки. Организовали детский сад, в который я ходила через железнодорожные пути. Мама руководила технической учебой и подготовкой кадров, иногда спускалась в шахту, смотрела за исполнением работ. За погружение на глубину ей полагалась дополнительная банка мясных консервов.

В числе мобилизованных на ВВС было несколько мужчин, которые ходили на охоту в ближайший лес и приносили разную дичь, рябчиков, даже медведя моей маме и тете Мусе, нашей соседке, с которой мы жили в одной комнатухе. Я даже ела медвежью печенку один раз. Конечно, это по сравнению с блокадной жизнью было не так голодно.

Что представляла собой наша землянка: спускаешься вниз на 1.5 метра, потом налево и направо две двери в маленькие комнатки примерно по 8 кв. метров. Каждая комнатка на семью. В комнатке помещалась буржуйка, 2 кровати и маленький столик. Все вещи висели по стенам. На одной кровати спали мы с мамой, на другой - тетя Муся. Наступила весна и все наше жилище стало заливать талой водой. Я помню, что болела и сидела дома, на кровати, и смотрела, как вода все подступает, подступает и вот уже совсем чуть-чуть осталось до края кровати. И тут вдруг лягушка прыгает на меня из воды. Я очень испугалась ее, кидала в нее все подряд. Мама с тетей Мусей, приходя с работы, усталые, первым делом начинали вычерпывать воду из землянки. Времени и сил уже оставалось только на еду. Что-то варили, ели и ложились спать. А с утра на работу.

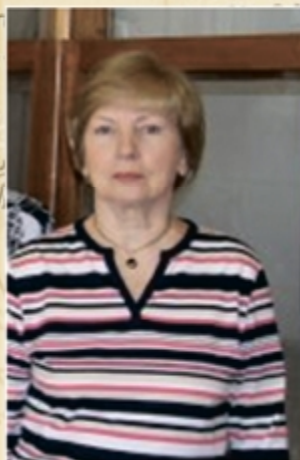
Тех, кто жил в бараке, тоже заливало, у них первый этаж деревянных нар все время стоял в воде, и им приходилось подплывать к лежанкам на нарах с помощью плота.

Мы прожили в Комарово целый год. В 1945 году, летом вернулись в Ленинград. Уже в городе я сама ходила в детский садик, сама переходила улицу в 6 лет. Садик был на ул. Чехова. Мама с первого дня пошла в Ленремстрой, который уже тогда строил метро, поскольку у нее уже был опыт работы на шахте. А потом, через 2 года, мама устроилась в нефтяной геолого-разведочный институт ВНИГРИ на ул. Некрасова (здание, упомянутое в стихотворении Некрасова "...вот парадный подъезд"). Папа всю войну провел в Ленинграде. После войны вернулся в академию, защитил кандидатскую диссертацию.

К сожалению, хоть наша комната осталась свободной, но как только пришли документы, подтверждающие развод моих родителей - начался кошмар. Комендант нашего дома приходил каждый день и говорил маме, чтобы собирала вещи, у него, мол, есть на нашу комнату желающие из военных, ищите себе жилье. А куда нам деваться? Мама уже начала примериваться к закутку в конце коридора, чтобы пристроить хоть лежак за занавеской для нас.

Закончилось все удачно случайным образом. Мама была партийным секретарем организации. Была очень исполнительницей и обязательной, и очень скромной. И никогда себе ничего не просила, но все-таки написала заявление на жилплощадь, потому что организация постепенно устраивала своих работников, у кого не было жилья, по комнатухам, подвалам. И вот на очередном заседании, когда распределяли жилье, осталась комнатка в коммуналке, на которую никто не претендовал, и мама робко сказала, чтобы ей дали комнату. Комната была в коммуналке на 8 комнат, 24 человека, печное отопление. Это было счастье!

Майя Александровна Петрова

Что касается военного времени, так я ничего не помню, ребенком была.

Я родилась в Ленинграде. Родители мои поехали в отпуск в Тверскую область. Доехали до станции около Бологое, посередине между Москвой и Ленинградом. Поезд остановился. Долго-долго стоял. Потом люди закричали, что война началась!

Отец, Петров Александр Петрович, работал в городской прокуратуре и должен был оставить сведения, куда уезжает в отпуск. При необходимости, он должен был вернуться. Ну, а маме велел ехать дальше, не возвращаться в Ленинград. Вот таким образом мы оказались в Тверской области. На всю войну.

Отец у меня вернулся в Ленинград и пошел на фронт добровольцем. На Ленинградском фронте он был в наружном ополчении. И 8 сентября, в день, когда замкнулась блокада... 8 сентября он погиб под Шлиссельбургом. Он был старшим политруком батальона связи. Мама, Маньшова Анна Ивановна, приехала в Тверскую область, село Горицкое. Это было такое место, где то там, то тут проносится слух, что немцы приходят. Тогда мы все бежим куда-то дальше. Потом возвращаемся. В общем, немцы так и не дошли до этого села. Всю войну мама там работала, она была председателем сельского совета. И там все работали, в основном, конечно, работали женщины. Маме даже 30-ти не было, когда ее выбрали председателем сельского совета. В других сельских советах тоже были женщины такого же возраста, и вот они там сдружились. Три подружки. И после войны они дружили.

Одна из них была тоже из Ленинграда. В начале войны была в партизанском отряде, потом приехала в Тверскую область и всю войну она была там председателем. И еще одна подруга, тоже председатель совета, после войны жила в Риге.

После войны в Ленинград вообще нельзя было просто так приехать, только по вызову. Маме прислали вызов с завода, на котором она работала. Сначала она поехала одна. Причем вызов ей прислали, а билет не достать было. Вызов давали на определенный срок и он в результате закончился. Потом она рассказывала, как она ехала буквально под лавкой. Позднее мы приехали туда с бабушкой.

Во дворе там все развалено было и люди кинулись все это разбирать, обустроить. И мы, дети, тоже помогали. Такой порядок навели во дворе! Все эти развалины, все надо было разбирать. Люди работали. Тогда у многих отцы погибли в войне, так что мы все в основном во дворе росли... Матери работали.

Сазонова Мария Васильевна

Для большинства людей в стране последствия войны сказываются до сих пор. Нет, наверное, ни одного человека в России, которого не коснулась война.

Я жила в городе районного масштаба Новоселье. Он по возрасту старше Москвы, в нём когда-то раньше жили купцы, благодаря ним город и развился. Через наш город проходил путь «из варяг в греки». Рядом был город Малинов, ещё до войны стёртый с лица земли. От моего города после войны считай ничего не осталось: одни только трубы каменных печей и каркасы каменных построек.

Нас, мирное население, эвакуировали. Не всё было ладно, не всё было хорошо.

У нас в городе директором Педагогического техникума был немец Крупп, и его жена также была немкой, звали её Ольга Сергеевна, очень хорошая была женщина. Я перед началом войны окончила 5 классов. Мы уже язык изучали, и она была нашей учительницей.

Перед приходом немцев в сквере закапывались баллоны с какими-то газами, которые вероятно можно было применять в военных целях. Когда немцы вошли в город, то сразу же их раскопали. Потом оказалось, что директор техникума Крупп был немецким резидентом. Жена, как выяснилось, ничего не знала об этом. Когда город снова вернулся к нам, она работала на восстановительных работах, т.е. осталась в нашей стране и никак не была связана с мужем. Мужа сумели арестовать, следили, наверное, или может ещё как-нибудь узнали.

г. Орёл в годы оккупации

Орёл предательски сдали. Немец в первое время войны двигался молниеносно, без остановки, и уже к осени Орёл был взят. С начала войны прошли только два месяца июнь-август, жутко.

На многих заводах ночью было освещение для того, чтобы немецкие летчики видели, что бомбить. На заводах были партийные работники, свои штабы, силы сопротивления. Отряды, сформированные из местного населения, следили за обстановкой, помогали.

Если важный завод какой-то разбомбили, то люди думали, почему этот разбомбили, а другой рядом - нет? Стали следить, оказалось, что через трубы заводов немцам подавали световые сигналы.

Война – это было ужасно... Нас куда-то вывезли, на полдороги сгрузили. Транспорт следующий не подошёл, и та часть населения, которую вывезли, осталась и стала распространяться по ближайшим деревням и поселкам. У кого, где родственники были: кто в соседнее село, кто подальше. И потом всю эту территорию взяли немцы. У нас очень мало было взято с собой, так как почти ничего нельзя было брать. Вывозили не всех в одну точку, нужно было довести до железной дороги. У нас к Новоселью ближайшая станция Залегощь – от города 12км. Но ведь вся железная дорога и Орел уже были заняты: в эту сторону нельзя, надо в другую – куда-то по шоссе дороге.

Алёна Андреева. «Беженцы»

Орловское художественное училище им. Г.Г. Мясоедова

Когда вспоминаешь об этом, начинает усиленно болеть сердце. Это всё связано с тем, что тебя из человека превратили неизвестно во что. Как выживали, я даже не знаю. В некоторых местах люди как-то помогали, в других нет. Отец у меня был на фронте, мать с кучкой детей. Это было ужасно.

Молодежь, которая ничего не знает о войне, должна понять, что война это очень страшно и нужно всё делать для того, чтобы нашу страну не втянули в это.

Михаил Павлович Сёмов

К началу войны мне не было ещё и пяти лет. Мои родители работали в Ленинградской Краснознамённой Военно-Воздушной инженерной Академии (ЛКВВИА) (в качестве преподавателя, научного работника), базировавшейся в Авиагородке под Пулковом. К концу лета 1941 г., когда немцы подошли к Ленинграду, этот район подвергался интенсивным бомбардировкам и обстрелам, и работать там стало невозможно, и было принято решение об эвакуации Академии. Военный состав Академии был эвакуирован в г. Йошкар-Ола задолго до установления блокады со всем оборудованием в плановом порядке, а гражданские служащие (так называемые вольнонаёмные) уезжали самостоятельно.

В здании Пединститута был размещен Инженерный факультет. Фото 1947 г.

Штаб академии расположился в Доме колхозника. Фото 1930 г.

Мы (мама, бабушка и я) добирались до места самостоятельно чуть ли не целый месяц на перекадных (часто в необорудованных вагонах).

Вид на улицу Палантая. Место жительства сотрудников академии в Йошкар-Оле

Город Йошкар-Ола – столица Марийской АССР, расположенный при впадении реки Большая Кокшага в Волгу – в то время представлял собой большую деревню. Мне запомнилось лишь одно каменное здание с пятячком асфальта, перед ним здание НКВД. Подавляющее число домов в городе были деревянными. В одном из таких домов, составляющих довольно широкую улицу, мы и обосновались. Весной и осенью эта улица представляла собой обширную лужу, и с этим у меня связано яркое детское воспоминание. Ближе к концу войны настырные парни и мальчишки обнаружили в окружающих город лесах

упавший самолёт и среди прочих отломанных от него деталей принесли железные трубки, заполненные металлическим натрием (очевидно, теплоноситель), и устроили себе забаву: выковыренные кусочки натрия бросали в воду. Шарики взрывались, загорались ярким жёлтым пламенем и бегали в воде, разбрасывая искры.

Меня определили в детский сад (бабушка умерла - инсульт), мои родители работали круглые сутки – до восьми-деяти часов вечера, и я коротал долгие осенние и зимние вечера со сторожем у жаркой печки.

Как я теперь понимаю, жили мы достаточно голодно. На выделенной делянке выращивали картошку, тыкву и подсолнечник (это я запомнил). Завели даже козу с козлёнком, но ни времени, ни умения ухаживать за ними не было, и бедная скотинка не прожила и года. Впрочем, в городе был неплохой рынок. Особенно меня поразила продажа молока. Зимы в ту пору были настоящие, снежные, с температурой не меньше 20 градусов. Молоко разливали в стандартные алюминиевые миски и выставляли на мороз. Замерзшие молочные «линзы» ссыпали в мешки и везли на базар.

В Йошкар-Оле я поступил в школу и закончил первый класс. Летом 1945 г. мы вернулись с Академией в Ленинград, где в том же году я поступил во 2а класс 158 школы Смольнинского района. Удивительное совпадение: классным руководителем нашего 2а класса оказалась классная руководительница первого класса Йошкар-олинской школы (Мария Степановна)!

Первое яркое детское впечатление по возвращении в Ленинград при выходе из здания Московского вокзала – много-много красных трамвайчиков (видел ли я их вообще до эвакуации?).

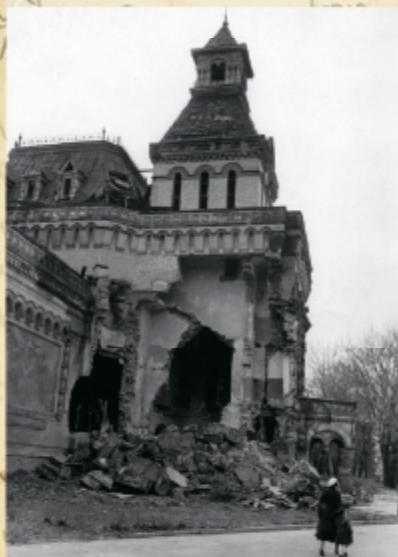
Мы жили в прекрасном месте: на Таврической улице напротив Таврического сада. В доме № 35 со знаменитой башней, где собирались поэты (Г.Иванов, А. Блок и др.).

Нынче многие знают об этом:
На Таврической, угол Тверской
Знаменитая башня поэтов
Нависает над прозой мирской.
Жил и я на Таврической улице,
Там, где Сад, где Дворец, где Собор,
В доме том, на котором красуется
Поэтический башни убор.

(Таврический сад, Таврический дворец, Смольный собор
недалеко)

К счастью, этот микрорайон мало пострадал от бомбёжек и обстрелов. Бомба разрушила школу (ближе к Кировной улице) и снаряд попал в здание Суворовского музея, и на месте правой стены с мозаичной картиной зияла дыра, перед которой высилась куча каменных обломков. Кроме того, напротив музея в Таврический сад упал сбитый самолёт-истребитель. Его отреставрировали, и он года два простоял в саду на радость мальчишкам.

Сбитый самолет в Таврическом саду

Музей Суворова. 1943 г.

Видел, как пленные немцы отстроили разрушенную школу.

75 лет минуло со дня победы. Очень многое изменилось в нашей стране, но этот день остался величайшим и объединяющим всех нас праздником. Ежегодно теперь пожилые жители нашего города получают поздравления в этот день от муниципальных и городских властей, за что мы им конечно признательны, но тексты этих поздравлений, к сожалению, часто стандартны. Нас благодарят за то, что выдержали все тяготы войны, проявили мужество и чуть ли ни за то, что спасли Отечество от фашистской нечисти.

Мои бледные воспоминания четырёх-восьмилетнего мальчишки наглядно показывают, что это не так, и разоблачают этот формализм. А эти высокие слова относятся прежде всего к нашим родителям, например, к моему отцу Павлу Ивановичу Семову, кавалеру орденов Ленина и двух орденов Красного Знамени (скончался в 1959 г.), а, конечно, не ко мне.

Пётр Алексеевич Тихонов

С самого начала войны наша семья была в Ленинграде. Мне было тогда около 2 лет. Мой отец работал на военном оптическом заводе в Ленинграде (ГОМЗ, в настоящее время – ОАО «ЛОМО») и в конце июля завод был срочно эвакуирован под Казань. Когда мы ехали на место назначения, попали под бомбежку, где-то под Воронежем. Приехали в поселок Дербышки. Никакого завода там не было, и его только предстояло создать там. Завод построили и он выпускал бинокли, прицелы, военную оптику. Поселок Дербышки я уже хорошо помню. Нас сразу поселили даже в каменное здание, где раньше находилась библиотека. Многие жили в теплушках.

Жили мы с папой, мамой и бабушкой. Кстати, бабушку нам разрешили взять с трудом. Она происходила из немецкой семьи потомственных врачей, приехавших когда-то в Россию, и имя у нее было немецкое. Но директор завода пошел навстречу и уговорил включить ее в списки, поскольку она была членом семьи нужного ему специалиста. Работала ли мама, я не помню.

У меня были дедушки, но судьба у них сложилась разная. Отец моего папы Николай Петрович был основателем и руководителем лаборатории реставрации исторических документов в 1934 г., и не оставил ее в блокаду. Так и погиб в Ленинграде. Остался сын от второго брака, который выжил в блокаду и потом, после 18 лет сразу попал в армию. Там и остался служить. Погиб он уже в мирное время, где-то в Польше.

А вот другой дедушка по маминой линии, Василий Николаевич, совсем перед началом войны поехал в Узбекистан вскрывать гробницу Тимура. Он работал в Эрмитаже археологом-химиком, и был командирован в экспедицию. Когда началась война, он смог добраться до Ташкента, но застрял там и не мог никак уехать, но смог поначалу присылать оттуда посылочки с сахаром, сухофруктами, еще чем-то. Эти посылочки очень выручали нас. Но, в конце концов, через несколько месяцев ему удалось доехать до нас. И дедушка тоже пошел на оптический завод в качестве химика.

Завод располагался у поймы реки, и было разрешено устроить у реки на склоне коллективные огороды для завода. Мама с бабушкой работали на огородах. Выращенные овощи очень нас спасали.

Папа был большим специалистом по нанесению сеток-шквал, работал химиком в заводской лаборатории.

Наша семья всю войну прожила в Дербышках. Сначала уехал дедушка с бабушкой, поскольку дедушку вызвал Эрмитаж. Им дали на Петроградской стороне небольшую квартирку, в полуподвале. Затем мы с мамой уехали. Ехали в

теплушках. Я запомнил, что когда мы проезжали Москву, нам принесли булку. Я первый раз в жизни видел батон.

А отца не сразу отпустили, примерно в начале 1946 года. Жить в квартирке на Петроградской было тесно, но что поделаешь. Между прочим, до войны папа с мамой построили небольшой домик в Шувалово, как дачу, но его разобрали за время войны на дрова. Но папа все-таки его восстановил, но уже кирпичный. И мы потом переехали в этот домик. А дедушка с бабушкой остались в той небольшой квартирке.

Брат бабушки (которая из немецкой семьи), был репрессирован как немец и выслан в ссылку в Воркуту. После войны он вернулся благодаря титаническим усилиям его жены, которая писала в разные инстанции. Он был специалистом и, приехав в Ленинград, устроился на ТЭЦ. Его дети были эвакуированы с каким-то детским домом во время войны и выжили.

*Салют в Ленинграде (День Победы). Линогравюра.
Автор А.А. Ушин.*

Евгения Михайловна Трусова

Родилась я в марте 1941 года в Ленинграде. Была очень кричащим ребенком, но это было счастье для родителей. У мамы долго не было детей после рождения старшей сестры Киры. Перед летом 41 г. мы сняли дачу в Пушкине. И тут война!

Папа был военным, служил в железнодорожных войсках. Он учился в Академии тыла и транспорта. И у него в это время проходили экзамены, а я кричу и кричу. Мама не выдерживала. Тогда папа привязывал меня к себе полотенцем и в таком виде сидел и чертил мосты. И я затихала у него на руках.

Папа успел еще повоевать на финской войне, под Выборгом.

А в ВОВ он строил зимнюю дорогу от Лисьего поса до Ломоносова, году в 43-м. По льду. Он часто потом говорил, что нужно было делать дорогу для танков и артиллерии по тонкому льду, и он придумал такую технологию, которая позволила льду не проламываться. Они клали на лед лапник, потом заливали это водой. Вода замерзала, и снова сверху клали лапник. И так несколько раз. Получилась прочная дорога для тяжелой техники. И ни один танк не провалился. Папа очень гордился этим.

Война застала нашу семью на даче. Папа велел маме, тетке и сестре уезжать в город. Главное, чтобы все остались живы, а остальное неважно. И ушел. И мы до сентября не знали, где он и что с ним, жив ли он. Все виды войск кинули на запад задержать немцев. Отец попал, видимо в Эстонию, судя по его рассказам. Кстати, сказать, он до самой смерти не хотел ездить в Таллин, когда я его тащила на экскурсию туда. И только в последний год он съездил туда, посмотрел. Потому что для всех наших солдат, офицеров был удар, когда в Эстонии «наши» в спину стреляли. Это было шоком. Особенно много полегло наших солдат в Таллине.

Отец очень хвалил наших русских, украинцев, белорусов, кавказцев, сибиряков. Воевали замечательно. Еще хвалил северных охотников, которых брали на войну добровольцами.

В сентябре отец первый раз появился. Они вышли из окружения, но он был уже ранен. Они нарвались в районе Шувалово на Ворошилова, который возмутился: «Такую мать! Куда вы идете? Вы там должны быть». А отец отвечает, что они выходят из окружения. Тогда Ворошилов приказал всем идти обратно, а отцу в город, в госпиталь. Вот так он и оказался в городе и после госпиталя пришел домой. Через пару дней он снова ушел на фронт.

В то время, в начале осени, мы жили еще неплохо. Летом мы смогли заготовить дрова, так как у нас было печное отопление. Дрова лежали во дворе

дома. Поэтому то, что мама и сестра Кира смогли принести к себе наверх, дровяные ящики, то у нас и было, а остальное все разворовали. Тетя Лиза сидела с мной. А зимой она умерла от голода. Моя сестра Кира, которая старше меня была на 15 лет старше, бегала сбрасывать зажигалки с крыши. В школу практически не ходила. Это я хорошо запомнила.

Мама сидела со мной. И была очень благодарна патронажным сестрам, которые не прекращали ходить по домам даже в блокаду. Мама рассказывала: «Сама (медсестра) еле ползет, а раз в неделю поднималась по нашей лестнице и выясняла, жив ли младенец? Учет младенцев в городе был налажен». Я вначале вопила, а под конец 41-го только стонала: не было сил. Кормящим матерям никакого дополнительного питания не было. Но в 41-42-х годах уже начала поступать американская помощь, например, соевое молоко. Но я не могла пить это молоко, меня рвало. Поэтому мама смогла все же выпросить 50 г настоящего молока (ноябрь-декабрь). У нас всех были иждивенческие карточки. Папа редко появлялся в городе, но старался прислать нам скудные продукты с кем-нибудь или сам. Это спасло нас. Каждый раз, когда мы получали посылочку от отца, радовались – значит, жив!

Д. П. Бучкин. «У входа в бомбоубежище».
Лист из альбома «Блокадный Ленинград».
1941–42

и сфотографировались. Для отца. Что, мол, мы все живы. То есть деньги были. У нас кошка была. Сами убить кошку не смогли, отдали соседям. Они ее съели за хлеб.

Отец вышел из окружения осенью 41 года. Но появился дома позднее, зимой 1941 - 42 года. Его часть стояла между Дибунами и Белоостровом. Даже его блиндаж был в лесу в Дибунах: он потом показывал нам его.

Наш дом в Ленинграде стоял на углу канала Грибоедова и Римского-Корсакова. Недалеко была электроподстанция, напротив высокий дом в стиле модерн. С этого дома стреляли ракетами наводчики... Отец даже пытался поймать их, но не успевал добежать. И поэтому дом и наш микрорайон обстреливали очень часто. В наш дом попал снаряд, часть колонны снесло около ворот, выбило окна в квартире, разбилось зеркало трельяжа. Кто-то из взрослых сказал, что кто-то умрет. Умерла тетя.

В конце лета или в начале осени 1942 года (точно не знаю) нас, как семью военного, эвакуировали. Отец помог собрать и донести вещи до переправы. Нас посадили на баржу. Только помахали друг другу, нас посадили всех в трюмы и закрыли, и вдруг налетели самолеты. Отец как лег на землю лицом вниз, так и не вставал: видит, что все конец. Но через

какое-то время, минут через 20, его водитель говорит: «Наши ястребки появились! Товарищ капитан, вставайте! Отогнали!». Отец встал, а шофер говорит: «Вы ведь стали седым!». Вот так мой отец поседел.

Когда перевезли на другую сторону Ладожского озера, матросы сложили все вещи всех эвакуированных в одну кучу на берегу и уехали. Мы пешком пошли к железнодорожным путям на станцию, там посадили нас в теплушки и мы поехали. Но тут нас стали опять бомбить немцы. Эшелон горел, и люди начали выпрыгивать прямо на ходу. Моя мама боялась со мной прыгать. Она сестре говорит: «Ты – первая прыгай и только вперед. А я выкину Женю, а потом сама выпрыгну. И потом мы с тобой ее найдем». А моя сестра бурчит: «Найдем, конечно. Она так орет, что все услышат». Выпрыгнули мы удачно. Но без вещей, естественно. Пошли вдоль железной дороги и вдруг наткнулись на наши окопы. Солдаты оторвали кусочек тряпицы, разжевали хлеб, положили вместе с хлебом малюсенький кусочек сахара и завернули все в эту тряпицу. И мне дали сосать. И я молчала, с удовольствием поглощая такую невиданную сладость, довольная.

И тогда мама сделала ошибку. Она наслушалась рассказов о хорошей сытной жизни в Сибири: там Хлеб!! Хлеба много. Давайте поедем? Хотя город назначения был Куйбышев и папина Академия тыла и транспорта туда была переведена. Надо было туда ехать, но ... вот так получилось. Слово ХЛЕБ было волшебное. И мы поехали в Сибирь. Опять теплушки, причем поезда ехали без регулярных остановок. Были проблемы с водой, где-то надо было ее добывать во время пути, карточки отovarивать. А для меня еще пеленки надо где-то полоскать и прочее. Да и в туалет выскакивали всем поездом: были уже далеко за линией фронта и налетов, конечно, не было. Приходилось вскакивать на ходу. Однажды мальчишки выскочили из поезда в кусты, а там борщевик, про который никто тогда не знал. И тут все слышат крики и видят этих мальчишек, которые с криками выбегают обратно, все в волдырях... Затягивали в вагон на руках, от этого у мамы и сестры постоянно очень болели руки..

Доехали до Барнаула. Из Барнаула направили в село, кстати, у меня еще воспоминание сохранилось о местной природе. Зимой стоят деревья, покрытые снегом как на картинах...или цветы летом...райский уголок. НО...к нам

относились плохо. Нас называли «выговоренными». Мужиков не было: все на фронте, в селе оставались одни бабы, довольно злобные. Мы сразу же поселились к очень хорошей женщине. Она даже потом маму и нас звала помыться к себе в баню. Но остальные очень сдержанно относились: на вечеринки мою старшую красавицу-сестру звали, а вот в лес за ягодами и грибами не звали никогда. А мы ведь местных лесов не знаем, что где растет. У них в лесу росла дикая красная смородина, витамины, которые нам были так необходимы! И вот наша домохозяйка, добрая женщина, говорила маме: «я пойду в лес в 6 утра, а ты иди за мной недалеко и не кликай меня, иди незаметно».

Мужики лучше к нам относились, но их было мало, в основном это были пришедшие с войны инвалиды, безрукие, безногие... Они очень сильно били своих баба за лень и бесхозяйственность. «Вы что солому с крыши сняли? Накосить не могли?», те отвечали «Да мы на работе устали». - «как на работе? Вы же на работу гоняете «худых» (т.е. эвакуированных) баб! Они же еле двигаются. Какая с них работа! Они только как помощники могут».

И вот когда мужики начали появляться и появился одорукий председатель, то он начал гнать всех местных баб лес валить и прочее. И мою сестру в первую очередь, маму поменьше. Мама получала военный аттестат. Но на деньги ничего нельзя было купить. Всем местным надо было отдавать вещи, а не деньги. У меня был маленький плюшевый мишка. И даже его обменяли на хлеб или кусочек мяса. И так было у многих, кто попал в сибирские деревни.

Уехали отсюда, наверное, в 1944 году. Уехали в Загорск, откуда папа был родом. Отец, когда получил орден, попросил руководство перевезти свою семью из барнаульской области в Загорск. В Загорске жили его мать и сестра. А другие его сестры в основном жили в Москве. Средний папин брат, мой дядя, был шофером и вывозил людей по Дороге жизни. Другой дядя Леша работал электриком на военном заводе в Москве.

У мамы тоже были братья. Дядя Ваня был ранен и лежал в госпитале в Свердловске и там умер. Он просил, чтобы мама приехала из села к нему. Но это было очень далеко, и мама отказалась. Дядя Коля воевал здесь, на Ленинградском фронте, похоронен на Пискаревском кладбище. Две тети умерли в блокаду. Третья тетя Дуся поехала в Москву из Ленинграда с заводом. Ее должна была встречать в Москве двоюродная сестра, но тут опять судьба... У тети от истощения был уже открытый голодный понос, а ехали в теплушке, все мучились, и она тоже... и ее сами люди выкинули из вагона... умирать. Мол, все равно ей, а нам доехать надо до Москвы. Как все это узнали? Одна женщина обратила внимание на московскую двоюродную сестру, которая бегала по платформе и искала кого-то. Женщина тихо подошла к ней и спросила: «Вы ищете Евдокию Семеновну? Я вам тихонько говорю, а в свидетели не пойду, но вот так все произошло». Все тети умерли.

Остались только двоюродные сестры

Как мы добирались до Загорска. Новый председатель колхоза в нашем селе дал телегу с лошадей доехать до Барнаула. Распоряжение он дал, а жители решили по-своему. Они посадили своих баб, мешки в телегу на рынок. Маме разрешили положить рюкзачок на телегу, и мама со мной на руках и сестра шли пешком за телегой. В конце концов и у мамы кончилось терпение, и она возмутилась: «Как же так? Это мне дали телегу. А ну, давайте скидывайте свои мешки. Мы сядем». Они не слезли, а подвинулись. И Кира со мной на руках села в телегу. А мама так и шла пешком всю дорогу, 50 км. Наконец, мы добрались до Барнаула, там посадили нас в теплушку и повезли на Москву. Кира и мама оставили меня в Загорске, а сами поехали в Москву прописываться. Но перепутали двери учреждения, и попали в какое-то другое место (здание НКВД на Лубянке), вошли в коридор и сели там. Сидели до вечера. Вечером военные дежурные стали выгонять всех, кто остался. Стали маму с сестрой спрашивать, кто они и зачем тут. Оказалось, что им надо было в соседнюю дверь. Мама с сестрой переночевали у теток и утром снова пошли, уже в нужную дверь. Прописали их. Но опять проблемы. Когда спросили, а где их проездные документы, оказалось, что мы ехали вместо выписанных купейных мест, в теплушках. Вот так!

Мне было тогда уже 4 года, но я только-только начала ходить. Помню, что в Загорске, когда я видела проезжающий поезд, я всегда кричала: «Передай привет моему папе!»

Отец дошел до Чехословакии, были две контузии. Перед этим взяли Карелию тоже. Таллин брал снова. Но из Чехословакии его с солдатами отправили прямо в Маньчжурию. Отец говорил, что хорошо, что у нас были люди из разных областей, поэтому они могли сказать, где они едут, узнавая свои знакомые места. Привезли их на Байкал, где они начали строить дорогу, уже тогда начинали строить БАМ.

Отец, когда война закончилась, первым пришел домой, он все разгреб в квартире. Квартиру нашу не заняли, а вот квартиру второй тети заняли, и ей дали комнатку в другом месте, около туалета в коммуналке. Квартира была обворована: унесли ложки-вилки, зимние вещи. Потом отец окна и рамы сам вставил.

А мы еще были в Загорске. Победу мы встретили в Загорске. Мы приехали в Ленинград в 46-47 годах.

После войны я при любом звуке самолета хотела вжаться, спрятаться, прижаться к дереву, стене, хотя летать на самолетах не боялась. Примерно до 20 лет. Потом как-то ушло это.

Зенитная батарея на Университетской набережной. 1942 г.

Зенитная батарея на Стрелке Васильевского острова.
1942-43 гг.

В годы блокады одного ленинградского маленького мальчика спросили, какую музыку, звучащую по радио, он любит слушать больше всего. Ребенок ответил:
"Отбой воздушной тревоги!"

О конце воздушной тревоги сообщали звуки фанфар...

**Александр Любимов (1879-1955).
«Салют победы в Ленинграде 1945год».
1946.**